

Сергей ЗВЕРЕВ

Я - ВОП

В ЗАКОНЕ

**БАНДИТСКИЕ ЗВЕЗДЫ
ГАСНУТ БЫСТРО**

Сергей Зверев

Бандитские звезды гаснут быстро

«ЭКСМО»

2015

Зверев С. И.

Бандитские звезды гаснут быстро / С. И. Зверев — «ЭКСМО»,
2015

ISBN 978-5-699-69622-2

Генеральный директор крупной уральской компании Юрий Веденский выиграл тендер на оказание аудиторских услуг Министерству обороны, и деньги рекой потекли в его бездонные карманы. Веденский оценивал «высвобожденные» военные объекты для последующей их продажи частным лицам. Вот только цену в экспертных заключениях он указывал не реальную, а ту, которую ему называли министерские чиновники. За что и получал крупные барыши. Но в один прекрасный момент лафа закончилась. Деятельностью Веденского заинтересовались правоохранительные органы, и в его окружение под видом телохранителя был внедрен секретный сотрудник Управления собственной безопасности МВД Екатеринбурга капитан полиции Антон Копаев...

ISBN 978-5-699-69622-2

© Зверев С. И., 2015

© ЭКСМО, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сергей Зверев
Бандитские звезды гаснут быстро

© Зверев С. И., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Глава 1

Лева Степанов обогнул белую кабину своего грузовика и подбежал к напарнику. Михалыч стоял с зеленым лицом, держась одной рукой за дверцу машины, а второй – за живот.

– Ты что? – Лева схватил напарника за плечо и помог сесть на лавку возле курилки. – Михалыч, ты съел чего?

– Ох, Лева!.. – На лысине невысокого грузного Михалыча выступили капельки пота. – Не могу, тошнит, и внутри будто нарыв.

Встревоженный Лева взял напарника под мышки и отвел в сторону, к кустам. Тут Михалыча и вывернуло наизнанку. Рвало его долго, со слезью, тело так содрогалось в судорогах, что Лева было больше страшно, чем неприятно. Потом сбежались кудахчущие и сыплющие советами тетки из диспетчерской.

Михалыча усадили в тень, а Лева стоял в сторонке и угрюмо размышлял о том, как же он один поедет в такой сложный дальний рейс. Это вам не в соседнюю область смотаться. Из Питера аж в Екатеринбург!

Лева с Михалычем отъездили шесть лет на своем стареньком «КамАЗе», исколесили, без преувеличения, всю страну. Характеры у них оказались подходящими, друг друга в долгих рейсах не раздражали, почти сроднились. Потому и решились в прошлом году собрать все накопления, подтянуть потуже пояса и взять в лизинг новый тягач «МАН». Благо в Питере есть фирма, которая этим занимается и оказывает полный комплекс услуг. Вот почти год, не зная горя, они гоняли на отличной машине. Так было до сегодняшнего дня.

Здесь, на кольцевой, на старой автобазе, скооперировались тетки, которые собирали заказы и находили дальнобойщиков, готовых отправиться с этим грузом в данном направлении. Лет за десять их контора заметно развилась. Шесть бойких девчонок сидели на телефонах, работали перевалочный склад, мойка для большегрузов, небольшой авторемонтный центр.

Лева стоял и смотрел на Михалыча. Да, не ездок он! Эта беда у него как минимум на несколько дней. Куда ему с такой рвотой, с отравлением на дорожную пищу да в тряску! А фура полна новыми шведскими холодильниками, баки залиты под завязку, и даже аванс получен. Теперь надо ехать, хоть ты тресни!

– Лева! – послышался чей-то голос из окна диспетчерской. – Степанов! Иди сюда.

Лева, шаркая ногами и не вынимая рук из карманов дорожного чистенького комбинезона, подошел к окну. Ленка, самая бойкая из диспетчеров, поманила из глубины комнаты высокого светловолосого парня.

– Лева, ты в рейс-то как пойдешь? Один, без Михалыча? Или помочь тебе по старой дружбе?

– Не знаю, Лена, – не очень весело протянул Степанов, рассматривая парня.

Парень как парень. Лет тридцати, а может, и помоложе. Спокойный какой-то, холодный. Или это от правильных черт лица, светлых волос и серых глаз так кажется? Молчун, наверное.

– Тут вот у нас есть человек. Ищет, кому напарники нужны. И права с категорией есть, и опыт. – Ленка повернулась к парню и спросила: – Ты сколько за рулем отмотал, говоришь?

– Три года, – немного сипловатым голосом ответил парень. – Сначала на «КамАЗе», потом на «Вольво». А дальше развалилось у нас все, приватизировал один кент хозяйство и посадил нас на такие оклады, что лучше в таксисты идти.

– На Урал ходил хоть раз? – спросил Левка, хотя решение уже практически принял.

– Было дело, – кивнул парень. – В Пермь ходил, на Уфу два раза, в Новосибирск. Если тебе важно, то не пью, не курю и к бабам равнодушен. Извините, конечно. – Он с легкой улыбкой посмотрел на Ленку.

– В Екатеринбург пойдешь со мной? У меня, видишь, беда с напарником!

– Да хоть в Японию. Мне-то что!

– В Японию дороги нет, – проворчал Левка. – Сколько тебе на сборы нужно?

Это была последняя проверка. На вшивость. У дальнобойщиков правила простые, и все их знают. Это целое братство на колесах. Но бывают такие персоны, которые не очень уживаются с остальными, не вписываются. Тут и денежные склоки, и подставы с клиентами, и еще много чего нехорошего.

– Мне собраться – только подпоясаться, – не по возрасту солидно ответил парень. – Но хорошо бы еще прямо здесь кое-какие вещи утрясти. Как расходы несем в дороге, как зарплату делим.

– Наверное, все пополам метишь? – Левка многозначительно расплылся в улыбке.

– Расходы пополам, зарплату тоже. Только ведь принято и на машину оставлять. У вас сколько в резерв непредвиденного ремонта положено откладывать? У нас было двадцать процентов с рейса.

– Наша лайба еще в лизинге. Так что полтинник на нее, а остальное пополам. За минусом командировочных расходов. Нам жратва, ей масло и соляра.

Белобрысый парень немного подумал, кивнул и заявил:

– Ладно. Все равно надо как-то начинать в ваш колхоз вливаться. Да и я с тобой не на века. Напарник оклемается, с ним будешь ходить. Я так, временный у тебя. Короче, согласен.

Левка облегченно вздохнул и протянул руку. Парень оказался толковый, не жлоб, в их кухне понимал. Видно, что по характеру спокойный, рассудительный. Такой горячку пороть не будет. Несмотря на свои тридцать с небольшим лет, Левка Степанов был человеком опытным. Дорога, она быстро учит разбираться и в людях, и в машинах, и в любых сложных ситуациях.

Последнюю каплю позитива добавила все та же Ленка:

– Ты, Левка, если что, имей в виду, что его Курочкин рекомендовал. Он звонил нам утром.

– Курочкин – это рекомендация солидная! – Левка, у которого значительно улучшилось настроение, рассмеялся: – Курочкин у нас заслуженный ас автомагистралей. Самый авторитетный дальнобойщик в наших краях.

Ехали они нормально. Новый напарник, назвавшийся Саньком, оказался парнем приличным. Он охотно отвечал на вопросы, рассказывал о себе, если его спрашивали. Сам в разговоры не лез, когда напарник кемарил.

Перед глазами водителей тянулась лента шоссе. Развязки, расхождение и схождение полос. Указатели на города, объездные кольцевые, монотонный голос навигатора на лобовом стекле. Мужики менялись за рулем через каждые два-три часа. Они что-то жевали, не останавливаясь, запивали еду горячим чаем из термоса. Потом обед в придорожном кафе, насчет которого от своей братвы поступали положительные отзывы, осмотр машины и снова вперед.

После Вологды пошел сложный участок. Леса, болота, все трассы с севера на юг. Им приходилось искать приемлемую дорогу на юго-восток. Только навигатор да встречные дальнобойщики помогли им без ошибок двигаться в нужном направлении. После Кирова снова стало полегче, а потом Пермь, опять цивилизация. Широкие дороги, новая разметка.

Левка Степанов остался бы довольным жизнью и этой поездкой, если бы на выезде из Перми не поднял жезл молодой старший лейтенант ДПС, торчавший возле стационарного поста. Левка в этот момент отдыхал на пассажирском сиденье. Он выскочил из кабины и бросился выяснять причину остановки. Старший лейтенант, улыбочивый парень, только отмахивался.

Он показал Левке на одноэтажное здание поста и заявил:

– Зайдите туда с документами. Процедура очень короткая. Там вам все объяснят.

Левка понял, что никакого нарушения им не шьют, и затрусил по лестнице вверх, по пути чуть не потеряв один шлепанец с ноги. Здесь за столом сидел подполковник полиции в новеньком кителе, сдвинув фуражку на затылок. Капитан в дорожной форме со светоотражающими полосками стоял у стены в напряженной позе. В дальнем углу на диванчике сидел невысокий полковник с каким-то странным лицом. Как будто оно было с подпалинами или высечено из цельного куска песчаника. Разноцветная физиономия без бровей и ресниц. Рот как узкая щель. Полковник смотрел на Левку своими бесцветными глазами и чего-то ждал.

– Так мне к кому? – Левка покрутил документами и все-таки подошел к подполковнику, сидевшему за столом. – Мне сказали, чтобы я поднялся сюда для какой-то процедуры.

Подполковник даже не посмотрел на Левку. Он просто начал тереть лицо ладонями, как будто не спал всю ночь. Зато заговорил странный полковник, сидевший на диване. Голос у него был хрипловатый и даже какой-то надтреснутый.

– Иди-ка ко мне сюда, сынок.

Левка весь поджался, чувствуя, что происходит нечто необычное, странное и, скорее всего, для него неприятное. Он подошел к полковнику на негнущихся ногах, потом увидел, как рыжая веснушчатая рука похлопала по обивке дивана, послушался и уселся рядом.

– Давай подождем немного, – проговорил полковник. – Теперь уже недолго осталось.

Тут же по железным ступеням лестницы загрохотали ноги. Людей там было много, и топали они как-то сбивчиво, нестройно. Если не сидеть в домике стационарного поста ГИБДД, то можно подумать, что там кого-то волокут по лестнице, а он упирается...

Он и вправду упирался! Лицо Санька налилось кровью, рот был злобно оскален, руки неестественно завернуты за спину. Его держали двое крепких парней в гражданской одежде. Все замерли, уставились на вошедших. Санек обводил присутствующих пронзительным взглядом серых глаз, как будто клинком колот каждого. Вид у него был затравленный. Вот тут-то Левка испугался по-настоящему. Если его, этого Санька, полиция вот так... то, значит, он кто? Преступник какой-нибудь? Охренеть! А Левка с ним почти две тысячи километров в одной кабине и днем и ночью... Матерь божья!

– Ну, здорово, Викинг, – громко сказал полковник рядом с Левкой, отчего тот чуть не подскочил. – Приехали!

– Что за беспредел? Какие против меня обвинения? Я требую адвоката...

– Требуй-требуй, – согласился полковник и встал с дивана. – Адвокат у нас положен всем. Даже тем, на кого заведено восемь уголовных дел по статье сто пятой части второй за умышленное убийство. Сроки по этой статье тебе, милоч, грозят до двадцати лет при самом мягком раскладе. Но думаю, что светит тебе пожизненное.

– Это что же?.. – прошептал не своим голосом Левка, вскочил с дивана и попятился к стене. – Это кто такой? Я его...

– Да знаем мы все про вас, Степанов, – полковник похлопал Левку по плечу. – Знаем и не осуждаем. Ждали мы вас тут. Вы можете отправляться по маршруту. Извините, но теперь без напарника. И вот еще что. – Полковник взял Левку за футболку и притянул к своему бледно-рыжему лицу: – Никому ни слова, понял! Ты в Екатеринбург приехал, ему за рейс заплатил, он и сошел. Это все! Домой ты отправился один, а его больше не видел и ничего о нем не слышал. Даже по фотокарточке не узнаешь, если покажут!

После каждой фразы Левка с готовностью кивал и страдальчески морщился. Две с половиной тысячи километров в одиночку? Хреново! Но потом он даже обрадовался тому, что его избавили от общества этого непонятного субъекта и сделали это очень даже вовремя, освободили.

«А то ведь тут про убийства какие-то говорили!.. Ужас, аж ноги подгибаются. Вот это да, прокатился с маньяком в одной кабине. Теперь до конца дней снится будет».

Это Левка додумывал уже на улице, когда садился в кабину. Улыбчивый старший лейтенант с готовностью вышел на проезжую часть и притормозил машины, давая возможность фуре вырваться от поста и занять свой ряд.

– Теперь поговорим. – Полковник верхом присел на стул прямо перед задержанным, которого пристегнули наручниками к водопроводной трубе.

Хлопнула дверь за последним полицейским, покинувшим комнату, и тут же вошел высокий светловолосый статный парень. По возрасту примерно такой же, как и Викинг, даже похож на него чем-то.

– Вот, Антон, знакомься. – Полковник повернулся к нему. – Это и есть тот самый знаменитый Викинг. Специалист по обеспечению безопасности состоятельных и криминальных особ любой ценой. Есть киллеры, профессионалы, для которых нет препятствий. А есть вот такие, так сказать, антикиллеры, которые и являются единственным препятствием для вышеупомянутых особ.

Викинг молчал, опустив голову. Светлый чуб упал ему на лоб. Антон читал оперативное дело на этого человека, разыскиваемого в России, Беларуси, Украине и даже Интерполом. Стоит сказать, что иностранные спецслужбы не знали его имени, а вот у нас кое-кто вычислил этого человека.

Были у Викинга когда-то имя, отчество и фамилия, дом и родители, долг перед Родиной. Но у этого парня имелись свои взгляды на жизнь и ее устройство. А еще у него был талант снайпера. Он развил его на соответствующих курсах, пройденных в армии. Потом была служба на Кавказе, срочная и уже по контракту. Далее он сам связался с мятежниками и предложил им свои услуги.

Ему поверили и дали задание. Несложное. Сиди себе в горном ауле и охраняй старого человека, якобы отца одного из главарей боевиков. Старик был самый обыкновенный. Как потом оказалось, он даже не знал о своем мнимом родстве.

Это была проверка. Через две недели сытной и спокойной жизни он догадался, что за домом наблюдают и готовят нападение. Никакой стрельбы, конечно, не было, только чистая теория. Потом его стали расспрашивать, что же он заметил. Парень рассказал, как и почему догадался, что за домом ведется слежка, сколько человек и как именно собирались действовать. Теперь боевики поняли, что перед ними талант.

А потом этот талант затребовал себе один из криминальных авторитетов, дагестанец по происхождению. Викинг, так он сам себя стал называть, спас ему жизнь. Он действовал очень умело, хотя был тут и элемент везения. В соответствующих кругах пошли разговоры о надежнейшем телохранителе и прекрасном стрелке. От самых разных заказов отбоя не было.

Люди полковника Быкова вышли на Викинга совершенно случайно. Заказчик в Екатеринбурге искал самого надежного телохранителя своей жене, потому что попал под жесткий прессинг. Он не жалел никаких денег, хотел только гарантий. Некая личность в криминальных кругах, куда был введен заказчик, посоветовала привлечь к этому делу Викинга и обещала организовать его приезд. Очень кстати в этих кругах оказался агент Быкова, которому и удалось нащупать начало этой цепочки.

– Значит, Викинг, говоришь. – Антон сел напротив задержанного стрелка и положил ногу на ногу. – А я капитан полиции Копаев. Мне придется сыграть твою роль.

Викинг дернул головой, как будто хотел что-то сказать или возразить, но промолчал.

– Зря ты так, Викинг, – Антон покачал головой. – Тебе теперь с нами надо сотрудничать. Ты понимаешь разницу между пожизненным заключением и двадцатью годами?

– Хрен редьки не слаще! – выдавил из себя Викинг.

– Как говорят в Одессе, это две большие разницы, – возразил Антон. – Есть один нюанс. Не в разнице режима содержания или комфортабельности камер и не в кулинарии. Ты это поймешь потом, когда сядешь. Оказаться в аду среди вурдалаков, которые еще похуже тебя,

и знать, что рано или поздно, но ты все равно выйдешь, – это одно. Совсем другое – быть уверенным в том, что это навсегда, что ты никогда уже оттуда не выйдешь, умрешь в этих стенах, может, даже вот в этой камере. Это, я тебе скажу, может довести до тихого помешательства. Хотя почему «может»?.. – Быков хмыкнул. – Обычно так и бывает в первые же годы. Люди с пожизненным сроком очень быстро съезжают с катушек. Знаешь, сколько всего человек сидит на спецучастке под Оренбургом? Сто восемьдесят семь. А знаешь, сколько из них имеют право свидания с родственниками, ходят на работу, то есть так или иначе ощущают жизнь? Двенадцать человек. Знаешь, почему это так? Остальным не доверяют. Эти субъекты потенциально опасны для других осужденных, для контролеров, у всех на двери красные карточки. Только эти двенадцать имеют надежду – я подчеркну, всего лишь надежду! – через двадцать пять лет попробовать получить помилование. Прощение об этом подают очень немногие. Таких по стране пара десятков. А получается получить помилование у двух-трех. Знаешь, у кого именно? На ком трупов мало и кому жить осталось все равно пару лет. Они выходят и подышают на свободе. Обычно на помойках среди бомжей или в бюджетных бесплатных больницах. Их все равно хоронят в номерных ямах на окраинах кладбищ.

Викинг сглотнул и повел головой так, как будто его шею начала тереть веревка.

– Понимаешь теперь разницу? – снова спросил Антон. – Есть надежда или ее нет. А там живут только этим. У кого надежды нет, те не живут. – Антон наклонился к Викингу и добавил очень тихо: – А ты знаешь, что там нет нормальных людей? Совсем. Ты когда-нибудь пробовал находиться в замкнутом пространстве с ненормальными? Не день, два, три, не неделю или месяц, а всю жизнь!

– Так что вы от меня хотите? – послышался сиплый голос из-под светлого чуба.

– Сотрудничества, – ответил Быков. – Будь моя воля, я бы таких негодяев, как ты, стрелял бы при попытке к бегству, но я стою на страже закона, поэтому все мои хотелки остаются у меня в одном месте. Я предлагаю тебе сделку. Словечко грязное, суть тоже. Но это мне нужно. Я с твоей помощью избавлю землю еще от кое-какой мрази. Слушай меня. Ты выдаешь капитану Копаеву всю подноготную твоего контракта, рассказываешь, кто и как на тебя вышел и как вас свели. Ты очень хорошо вспомнишь и изложишь в деталях, кто из криминальных авторитетов и при каких обстоятельствах видел тебя в лицо и знал, кто ты такой.

– А что я получу? – Викинг криво улыбнулся.

– Ты получишь формулировку «активное сотрудничество со следствием», но лишь при условии, что и свои похождения нарисуешь во всех красках. Затем ты пойдешь под суд и будешь там чистосердечно раскаиваться во всех своих геройских подвигах. Я приложу все усилия, использую все связи, чтобы ты не получил пожизненного срока. Так у тебя появится хоть какая-то надежда выйти и сдохнуть на свободе, на солнышке, а не на нарах, под казенным светильником.

– А если не получится?

– Значит, не получится!

– Так почему я должен вам верить?

– Дурак ты, Викинг! Тебе битый час втолковывают, что в твоем абсолютно дерьмовом положении остается лишь надежда. Только с ней тебе и жить. Большого тебе никто не даст и не пообещает.

– Ладно. У тебя, Копаев, какие-нибудь наколки на теле есть?

– Нет.

– Правильно, поживешь еще. Про меня слушок ходил, что я принципиальный противник этакого вот дизайна. Не по душе мне это, да и лишняя примета.

Генеральный директор ЗАО «Партнер Аудит Сервис» Юрий Сергеевич Веденский размашистым шагом шел по коридору к своему кабинету. Подчиненные перешептывались и пытались убраться с дороги, как говорится, от греха подальше. Если Веденский вот так энергично,

вихрем, проносился по коридору, то всем становилось понятно, что у шефа настроение сегодня плохое. В такие минуты он становился сосредоточенным, энергичным, как будто пытался работой побороть свое самочувствие. Веденский проявлял чрезмерную дотошность, аккуратность и придирчивость, не спускал даже в мелочах, строго карал за разгильдяйство и безалаберность.

Генеральный директор зашел в приемную, кивнул в ответ на приветствие секретарши, вскочившей со стула, и приказал принести журнал поручений на сегодня. Ход дел в своей фирме Веденский отслеживал четко, по этапам: поручения, данные на совещаниях, текущий контроль за исполнением и конечный результат. Все знали, что любая недоработка, хоть раз попавшая в поле зрения шефа и вызвавшая его недовольство, и впредь без внимания не останется.

– Можно, Юрий Сергеевич? – В дверях возник глава юридического департамента Александр Алексеевич Лобода, правая рука босса.

– Да, заходи, – просматривая документы, извлеченные из рабочей папки, ответил Веденский.

– Так что у нас с контрактом?

– Приняли к переработке, но ты, Александр Алексеевич, больно-то губы не раскатывай. Сам знаешь, что формы государственных контрактов не меняются. Они спущены сверху, утверждены раз и навсегда.

– Я знаю, но мотивировка наша подействовала?

– Наверное. По крайней мере, контракт вернулся в стены министерства.

– А Сутолкин что? Зуб теперь на нас он иметь не будет?

– А что он сделает, если мы выиграли тендер? Да и претензии не к нему, а к юристам министерства.

Закрытое акционерное общество «Партнер Аудит Сервис», основным владельцем и генеральным директором которого являлся Веденский, было крупной и весьма многопрофильной коммерческой организацией. Фирма занималась бухгалтерским и строительным аудитом, оценкой недвижимости и торговлей ею.

В этом году Веденский выиграл тендер и стал партнером Министерства обороны в пределах Уральского военного округа. Не самого министерства, конечно, а его дочерней фирмы «Уральский концерн». Вся недвижимость, высвобождаемая в округе, подлежала реализации по коммерческим ценам. Для этого она передавалась из министерства на баланс «Уральского концерна», который нанимал специализированные организации для проведения независимой экспертизы, определяющей рыночную стоимость каждого конкретного объекта.

Юристы Веденского нашли кое-какие нестыковки в госконтракте и умудрились убедить в этом юристов «Уральского концерна» и самого министерства. Контракт вернули на повторное рассмотрение и разработку дополнения к нему, которое было оговорено сторонами. Но сейчас Веденского волновало не это. Причиной его скверного настроения являлись совсем другие обстоятельства.

Сегодня утром глава «Уральского концерна» Николай Васильевич Сутолкин недвусмысленно намекнул Веденскому при личной встрече, что неплохо было бы обсудить иные варианты сотрудничества. Например, некоторые отклонения от коммерческой стоимости, определяемой экспертами. Сутолкин прекрасно знал рынок недвижимости, и связей в этой области у него было достаточно. Он гарантировал абсолютную безопасность сделок с занижением реальной рыночной стоимости некоторых наиболее интересных объектов. Разумеется, Веденскому тоже причиталась доля из этой разницы, которую покупатели компенсировали бы черным налогом.

Веденский сделал вид, что не понял, о чем идет речь, хотя это было глупо. Фактически Юрий Сергеевич смалодушничал, немало удивив самого себя таким вот поступком. Надо было категорично отказать, да и все. Он же сам был большим любителем решать любые проблемы сразу и кардинально.

А тут!.. Да, нервы сыграли с ним злую шутку. Возраст уже не тот, а у него молодая жена. Красивая, между прочим, в прошлом модель. У нее в последнее время все чаще и чаще случались приступы хандры. Так уж вышло, что личные проблемы Веденского наложились на деловые.

С Кариной он жил уже шесть лет, а теперь!.. Ему постоянно приходится пропадать на работе с раннего утра до поздней ночи. Потому что возрастает конкуренция. Потому что нельзя расслабляться ни на миг, когда у тебя такой бизнес. Нужно зубами выгрызать контракты, содержать эту огромную ораву помощников, которая кормит тебя. Еще требовалось любой ценой выиграть тендер в Министерстве обороны.

А у Карины хандра, видите ли. Ей скучно, она пищит, что не для этого выходила замуж, чтобы сидеть в четырех стенах. Дамочка стала все чаще прикладываться к алкоголю.

– Я принес вам два коммерческих предложения по недвижимости, – проговорил юрист, чем вывел шефа из глубокой задумчивости. – Владельцы просят относительно низкую цену. Для них важнее срочность сделок по продаже.

Тихо вошла вымуштрованная секретарша, скользнула вдоль стены, не привлекая ничего внимания, и положила под левую руку шефа папку с поручениями. Ровно на три секунды она замерла в ожидании новых распоряжений.

– Кофе будешь? – спросил Веденский Лободу, не поднимая головы.

Секретарша с легкой улыбкой посмотрела на юриста. Александр Алексеевич кивнул. В течение пары секунд новых указаний не последовало, и секретарша тихо исчезла. Она очень хорошо знала своего шефа, понимала его почти без слов. Сейчас ей было ясно, что кофе нужно принести не только Лободе, который любит со сливками и двумя ложечками сахара, но и шефу тоже. Тому как обычно – покрепче и полторы ложки.

– Ну так что они хотят? – продолжая перебирать бумаги, поинтересовался Веденский.

– Двухэтажное здание металлообрабатывающего цеха под производство. Еще нужна система ангаров на отдельной территории. Это под складское хозяйство.

– Складское хозяйство – это интересно. У нас были заказы на логистические центры. А вот производство...

– «Металлист» искал помещения, он расширяется. «Рубеж» обращался к нам две недели назад, если помните. Они готовы начать выпуск бронированных дверей.

– А у нас ведь что-то было по поводу автосалона?

– Да, и это тоже. Представитель фирмы «Ниссан» рассмотрит возможность открытия нового салона и второго сервисного центра.

Веденский обсуждал привычные вопросы, шла повседневная работа. Каждая сделка с недвижимостью сопровождалась, как правило, и составлением контракта на ее оценку. В итоге с каждого объекта можно было получить вполне приличные комиссионные, иногда исчисляемые в сотнях тысяч рублей.

Но сейчас Юрия Сергеевича больше занимало другое. Сказать или не сказать Лободе о предложении Сутолкина? Как он отнесется к этому? Александр Алексеевич работал с Веденским уже лет восемь. Умен, хороший профессионал, замечательный организатор. Каждый его специалист трудился с очень высоким коэффициентом отдачи. Можно сказать, что Лобода был лично предан Веденскому. Без лишних рассуждений и вопросов он несколько раз выполнял просьбы босса, никак не связанные с деятельностью фирмы.

И все же?.. Ведь тут дело пахнет криминалом, разворовыванием бюджетных средств. Но Сутолкин не такой человек, не пошлый аферист. Если он за что-то берется, то уверен в успехе. О нем все так отзывались еще в те времена, когда он не завязался с министерством. Говорят, что у него обширные связи в очень высоких кругах. Это понятно, ведь теперешний министр обороны не военный, а экономист. Так принято говорить, а на самом деле никто

не понимает, как бывший директор мебельного магазина попал в министры обороны. Нет, все понимают. Надо умело жениться и войти в соответствующий клан.

– Слушай, Алексеич, – задумчиво проговорил Веденский, не отрываясь от бумаг. – Как ты думаешь, почему у нас министров не сажают даже за очень серьезные нарушения, я бы сказал, за преступления, совершенные в экономической области? Столько ляпов они допустили со времен Ельцина, если не предполагать умышленные деяния, и все на свободе!

– Я думаю, что тут есть две причины, – обстоятельно начал излагать Лобода. – Во-первых, изначальная договоренность о неподсудности. Должность такая, что невозможно гарантировать полный успех. А если каждый будет знать, что его за любой поступок, ошибку и просчет могут посадить, то людей, желающих занять эти посты, не будет совсем.

– А вторая причина?

– Клановость. – Лобода пожал плечами, как будто говорил о вещах совершенно обыденных, всем понятных. – Каждый человек в правительстве принадлежит к тому или иному клану. Либо к правящему, либо лояльному. Они своих не сдают, иначе какой же это клан!.. Ты на него работаешь, он тебя прикрывает крепким колпаком. Так продолжается до тех пор, пока ты не подашься в ренегаты. А что?..

Услышав это «а что», Веденский тут же пожалел о том, что раньше времени начал такой разговор. Не стоит будить подозрений даже у таких надежных помощников, как Лобода. Он прав, но лишь отчасти. Если жареный петух клюнет в известное место, то сухими из воды выйдут министр, его заместители, большая часть начальников управлений и департаментов, кое-какие ведущие специалисты. А остальные? Эти овечки попадут на заклание, ведь кто-то же должен отвечать и сидеть. Вот тут и кроется опасность. Так рассказать Лободе о предложении Сутолкина или пока помолчать?

Веденский посмотрел на юриста. Моложавый, серьезность и деловитость даже во внешнем облике. Очкарик, типичный «ботаник», аккуратист во всем, даже в одежде и стрижке. Ногти ухоженные, явно салонная работа. Так рассказать или нет?

Охранник офиса ООО «Центр Недвижимости» не успел даже рта раскрыть, как его решительно отстранили в сторону двое плечистых парней, один из которых был в форме старшего лейтенанта полиции. За ними шел высокий худощавый мужчина с седыми висками. Он прошагал по коридору и нашел взглядом табличку «Генеральный директор».

О времена! Мода главенствует во всем, даже в названии должностей. В России окончательно испоганили слово «менеджер», которое во всем мире означает «руководитель». У нас менеджером называют любую финтифлюшку, которая сидит на телефоне, обзванивает клиентов по предоставленной базе данных и пытается впарить им некачественные пылесосы.

Как же сильна эта тяга называться не просто директором, а именно генеральным! В подчинении у него два человека, фирма занимает одну комнату и коридор, а туда же! Во всем мире генеральные директора имеют такой статус по причине того, что в подчинении у них имеются люди, отвечающие за свои направления деятельности. Они, как правило, получают свое финансирование и сами ведут отчетность. Но это Россия! У нас надо обязательно пузо выпятить!

– Простите, вы куда? – перешла на фальцет секретарша с безобразно и давно уже крашенными волосами.

Мужчины беспрепятственно прошли в кабинет и захлопнули за собой дверь. Хозяин этого помещения в узком костюмчике модного нынче покроя побледнел заранее, еще ничего не зная о целях визита незнакомцев. На вид ему было лет тридцать. Он имел обыкновение бледнеть лицом в сложных ситуациях. Сейчас генеральный директор именно так и сделал.

– Ты, значит, Козлов, – тихо сказал гость и уселся напротив.

Старший лейтенант устроился рядом и многозначительно положил на колени черную папку.

– Вы кто? – мужественно спросил Козлов. – По какому вопросу?

– Ты, юрист недоделанный! – брезгливо сказал гость. – Ты две недели назад продал помещение центра «Эдем», а бумаги смотрел? У тебя где глаза были, урод? Ты что, подделки от настоящих документов на недвижимость отличить не можешь?

– Что?.. – Козлов побледнел еще больше и попытался подняться с кресла.

– А то! – вставил старший лейтенант. – К тебе пришли какие-то аферисты, подсунули липовые документы на собственность. А ты и рад стараться. Вот настоящий хозяин, он только что из Австрии приехал, где как раз обсуждал развитие своего дела с партнерами. А тут такой казус! Ты его обокрал, Козлов!

Возразить что-то тут было сложно. Козлов и в самом деле не так давно провернул эту сделку. Но он сделал все как положено, получил все выписки, да и свидетельства смотрел. Пакет документов был полный. Они даже приглашали нотариуса и оформили доверенность на право продажи нежилого помещения. Как раз потому, что его владелец должен был срочно уехать за границу. Козлов нашел покупателя, согласившегося с ценой, оформил сделку и перечислил деньги хозяину на тот счет, который был указан в договоре. Как это возможно, что тот оказался ненастоящим?

– Значит, так, аферюга, – устало заявил гость. – Вот этот наш с тобой разговор наедине первый и последний. В дальнейшем беседы будут вести адвокаты, экономисты и эксперты. Как ты ситуацию разругивать будешь, я не знаю. Ищи сам, нанимай сыщиков – это твое личное дело. Но сроку я даю тебе месяц. Или ты изыскиваешь возможность возврата мне недвижимости и признания сделки недействительной, либо возвращаешь стоимость помещения вместе со всем оборудованием, которое в нем было. Сметы, счета поставщиков и договорные цифры я тебе предоставлю. Но если ты упрешься, не сможешь вернуть мне ни помещение, ни деньги, то пеняй на себя. Тут разговор будет короткий. Ты проклянешь тот день, когда связался с этим бизнесом, даже когда родился. Будешь тормозить, я найду возможность напомнить тебе о сути дела. Периодически трясти стану. – Гость наклонился через стол и злобно прошипел в лицо опешившему Козлову: – Посылочки будешь получать. Мизинчик твоей красавицы жены, окровавленная пеленочка доченьки. Запомни, урод! Пойдешь к ним, – тут он ткнул пальцем в старшего лейтенанта, – так ты, значит, и в самом деле виноват. А про угрозы заикнешься, еще хуже будет.

Гость резко встал и покинул кабинет. За ним вышли и сопровождающие, включая старшего лейтенанта полиции, который повернулся в дверях и подмигнул Козлову. В приемной мелькало озабоченное лицо секретарши, которая не знала, куда звонить и делать ли это вообще.

Козлов, красный от гнева и стыда, нервно рассовывал по карманам сигареты, мобильник, авторучку. Потом он отшвырнул ногой свое рабочее кресло и буквально выбежал из кабинета, отпихнув плечом секретаршу. Генеральный директор даже не знал, как подступиться к создавшейся ситуации.

Козлов сел в машину и бесцельно помчался по городу. Только через пять минут, создав с десяток аварийных ситуаций, он понял, что или разобьется сам, или убьет кого-то.

Он остановился возле ближайшего кафе, бросил машину и с ходу потребовал виски. Опрокинув в рот сто граммов крепкого напитка, он некоторое время посидел, потом заказал бутылку и ушел в угол кафе. Здесь было пусто, и он мог без помех начать звонить друзьям и знакомым.

Ситуация была непростой. Ладно, если бы надо было просто отбодаться от наезда иной фирмы. Тут у Козлова имелся весьма немалый опыт. За последние годы он выиграл не один арбитраж, а несколько десятков. В том числе массу безнадежных. Но тут вопрос с самого начала был поставлен так, что выхода генеральный директор не видел.

Козлов звонил долго. Он рассказывал, просил разных людей о помощи, ссылаясь на безвыходность ситуации. Чем больше он звонил и говорил, тем яснее понимал, что попал по полной программе.

А утром, когда Козлов продрал глаза под хмурыми взглядами ничего не ведающей жены, зазвонил телефон. С мучительным стоном генеральный директор дотянулся до аппарата.

От вчерашних гостей поступило напоминание о том, что они шутить не намерены. В офисе «Центра Недвижимости» произошло возгорание. Сейчас туда приехали пожарники и начали работу. Руководителя фирмы просили срочно подъехать на место. Скорее всего, как попытался успокоить Козлова человек, звонивший ему, беда произошла в подсобных помещениях. Возможно, сам офис и документация не особенно пострадают. Такое вот напоминание!

Глава 2

Антон ждал Быкова на берегу озера Шарташ.

«Как в шпионском романе, – думал он, медленно бредя вдоль уреза воды. – Странное дело, вроде живем в своей стране, у нас в руках власть и различные инструменты для ее удержания, а приходится играть в шпионов. Почему мы, а не они, прячемся, устраиваем тайные встречи, избегаем возможной слежки? Сколько лет государству, а все еще!..»

Тут Антон подумал, что, собственно, ни в одном еще государстве, когда-либо существовавшем на территории современной России, не удавалось победить преступность. Да и не только в России. В любой стране, название которой всплывет в голове, ситуация не лучше. Почему? Как говорится, двадцать первый век на дворе, а мы все ворует. Где истоки, что лежит в первопричинах этого явления – преступности?

Антон помнил, что им рассказывали на лекциях в институте. Власти и ученые мужи давно пытаются найти объяснения тяге некоторых представителей рода человеческого к воровству и насилию. Выдвинуто много теорий как психологического, так и чисто медицинского характера. Иногда специалисты писали в своих книжках довольно интересные вещи, но куда чаще несли откровенную чушь.

Теперь теория иная. В наши дни ученые считают, что причина этого лежит в самом человеке, где-то на хромосомном уровне. Периодически рождаются индивидуумы, у которых имеется непреодолимая склонность к асоциальному поведению, к совершению преступлений. Эта теория объясняет многое, в том числе и такие факты, с которыми Антон сталкивался еще, например, в армии.

В учебке у них был один парень, который постоянно воровал что ни попадя. Ему не нужно было ничего из этих вещей, он все выбрасывал, а красть не переставал. Это просто болезнь такая – клептомания, как говорят нынешние ученые.

Можно ли победить преступность, хотя бы существенно потеснить ее? Насильственными мерами, конечно же, нельзя. Мало ли примеров в истории человечества! Ворам отрубали руки, публично казнили чиновников, которые брали взятки. Не помогало, да? Возможно, в каком-то проценте случаев такие меры и срабатывали. Если человек сам мог побороть эту непреодолимую тягу, подавшись чувству страха.

Применять медицинские способы вплоть до хирургического вмешательства? Скорее всего, это пойдет вразрез с международными взглядами на демократичность общества, будет являться покушением на свободу воли.

Воспитывать – вот единственный метод, позволяющий решить проблему. Если корни болезни лежат в психике, то воздействие на нее нужно начинать с самого раннего детства. Надо принять все меры к тому, чтобы болезненная тяга проявилась как можно позже или не проснулась совсем. Можно до бесконечности очень аргументированно ругать Советский Союз, коммунистическую идеологию, но нельзя же напрочь отменить богатейший опыт воспитания подрастающего поколения, накопленный за эти десятилетия.

Антон помнил рассказы мамы, учителей в школе, бабушки о тех временах, когда дети ни дня не оставались без внимания педагогов, представителей тех организаций, которым было вменено в обязанность заниматься воспитанием детей, благотворно влиять на них. Сначала октябрята, потом пионеры и комсомол. Все эти структуры пытались загрузить детей делами, не дать им свободного времени для занятия тем, что им хочется. Они сами придумывали мероприятия, которые что-то воспитывают в детях, что-то им прививают, к чему-то приучают, просто не дают лодырничать, чтобы в голову не лезли всякие дурные мысли. Спортивные секции, кружки, слеты, соревнования, военно-патриотические игры и много чего еще.

В результате большая часть подрастающего поколения становилась людьми социальными, привыкшими к коллективу, к его мнению, к порядку, принятому в нем. А что такое страна? Тот же коллектив, только очень большой. Власть до сих пор не придумала замены тем способам воспитания детей, которые использовались в государственных масштабах. Дети фактически оказались брошенными.

Школа? Не смешите! Что она может, когда дети приходят в нее из своих домов, где только и слышат, что все плохие, кругом дураки и сволочи?!

Что может сделать школьный учитель литературы, если у него из программы, урезанной в несколько раз, прежде всего удалили те произведения русской классики, которые воспитывали нравственность? Детям суют учебники истории, где самым важным событием во всей Второй мировой войне названо сражение у атолла Мидуэй между американцами и японцами. Что говорить об учителях, если у них зарплата самая смешная во всей стране? Вряд ли по-настоящему умные и талантливые люди согласятся получать такие деньги за столь тяжелую работу.

Быков появился неожиданно и стал боком спускаться по склону крутого берега, заросшего густой травой.

Пришел конец философским размышлениям, понял Антон. Сейчас начнется суровая практика сугубо прикладного характера.

– Здравия желаю. Как изволили почивать, господин полковник?

– Веселишься, да? – Хмурый Быков сунул Антону ладонь. – Хорошо, что у тебя такое настроение. А то мне, честно говоря, не до шуток в последнее время.

– Что так? – Антон улыбнулся. – Начальство совсем заело? Так у вас вроде иммунитет к воздействию руководства.

– Если бы!.. Давай-ка вон на бревнышке посидим, а то поясницу что-то ломит. Начальство ничто по сравнению с радикулитом и отложением солей. Хуже только простатит, но пока бог миловал.

Алексей Алексеевич подошел к толстому отесанному бревну, привезенному кем-то на берег, смахнул с него травинки и с наслаждением уселся. Антон смиренно устроился рядом.

– Значит, так, Антон, – глядя на спокойную водную гладь озера, начал Быков. – По моим представлениям, мы имеем дело с системой, а не с рядом случаев.

– Ряд аналогичных случаев – уже система, – Антон пожал плечами.

– Умный, да? Хорошо вас сейчас натаскивают, только не учат начальство слушать и уважать.

– Виноват! – тут же сказал Антон и продемонстрировал попытку вскочить и вытянуться.

– Я не о том. Чужого опыта вы не воспринимаете. Вот ты сейчас сразу нашел способ возразить, а подумал ли перед этим, что начальнику такая мысль пришла в голову не пять секунд назад? Ведь он перелопатил десятки фактов, проанализировал множество ситуаций и данных, уже давно толком не спал и обдумывал эту тему! Нет, ты просто брякнул. Цель при этом у тебя была одна – показать, что и ты не дурак. Какой в этом глубокий смысл?

– Вы меня неправильно поняли, Алексей Алексеевич, – сдерживая улыбку, стал оправдываться Антон. – Я это сказал исключительно ради того, чтобы подвигнуть вас на дальнейшее изложение данной теории. Я вполне лояльно отношусь к вашему опыту, знаниям и занимаемому положению.

Эту особенность Быкова Антон заметил давно. Чем сложнее проблема, чем глубже Быков в нее погружен, тем резче и суровее его отношение к подчиненным. Он становится ворчливым, занудливым, придирчивым, сыплет язвительными замечаниями и избитыми сентенциями. Верный признак!

– Ты вот сейчас глумишься, а у нас еще один наезд на предпринимателя. Опять по той же схеме.

– Очередная подстава с документами? Кто на этот раз?
– Фирма «Центр Недвижимости».
– Владелец заявление написал?
– А какое заявление может быть, когда по закону он чуть ли не аферист?! А уж тот факт, что ему угрожали физической расправой, всегда можно списать на праведный гнев собственника помещения, который его лишился. Человека фактически обобрали!

– Что-нибудь удалось узнать о визитерах?
– Толком ничего. Охранник на входе описал их, как смог, секретарша была так перепугана, что черное от белого не могла отличить. Но кое-что есть.

– Что?
– Описания да двухсекундный ролик с камеры наблюдения, смотревшей в затылки, дают основания полагать, что визитеры – опять совсем другие люди. Каждый раз новые. Как будто это и в самом деле собственники. Я попытался поднять информацию в регистрационных органах, через паспортный стол, но там фотография двадцатипятилетнего парня, а здесь сорокалетний мужик с седыми висками. Собственника, как и в других случаях, в городе нет, он срочно уехал за границу. Делами по доверенности занимается его адвокат, у которого нет фотографий заказчика.

– Вот это и странно, – заключил Антон. – Вроде все до такой степени логично, что и не задумываешься, насколько все предусмотрено, чтобы не дать нам ниточки. На кону бешеные деньги. А вы, Алексей Алексеевич, не находите, что эти ребята очень хорошо знают психологию обывателя? Визит собственника проданного помещения, вполне обоснованный гнев, присутствие работника полиции, что придает визиту чуть ли не официальный статус. В первые минуты никому и в голову не приходит, что это бандиты. Когда люди все понимают, гостей уже и след простыл. А угрозы остались. Полиция, куда потерпевшие обращаются за помощью, наверняка реагирует на такие вот рассказы вполне адекватно.

– А они не обращаются, Антон. Боюсь, что такая реакция тоже предусмотрена преступниками. Я вижу тут явную полицейскую крышу. Во-первых, стражи порядка в курсе всех сделок, они хорошо разбираются в экономических преступлениях. Во-вторых, эти люди умеют шифроваться и не оставлять следов. Никто не совершит преступления лучше, чем сотрудник полиции. Поэтому они так сложно и раскрываются. А здесь угрозы! Возможно, что часть из них исполняется, но нет ни одного сигнала, ни единого факта, улики, хотя бы косвенной. Вот поэтому мы и занимаемся данными делами, Антон. Люди из Министерства обороны не будут связываться с уголовниками и гопниками. Они предпочитают работать с коллегами из полиции. Вот тебе основной аргумент, Антон.

– А ведь ситуация один в один как у Веденского. Получается, что преступники повторяются? А он ведь работает с Министерством обороны. По идее, у него хватит связей, чтобы не попасться на эту удочку. Следом Козлов, причем по такой же схеме.

– Боюсь, Антон, что расчет тут делался как раз на наше мышление. Раз зацепили и Веденского, значит, это какая-то преступная группа. Заниматься ею будет уголовный розыск, УБЭП. А по сути, как я вижу, тут налицо просто попытка отвести наши мысли от фирмы «Уральский концерн», порожденной Министерством обороны.

– Ух ты! – не выдержал Антон. – Вот это вы замахнулись!.. «Уральский концерн» сидит на всем, что подлежит реализации в военном округе. Это же такой монстр!

– Достаточно того, что я навел справки о его руководителе Сутолкине. До того как сформировалась эта фирма, он ничем особым не выделялся среди местной коммерческой братии, а потом сразу взлетел. Тут, друг мой, таланты его понадобились, а не опыт руководителя и бизнесмена. Он мастер по части изобретения левых схем и проворачивания афер, закамуфлированных под законные сделки. Помяни мое слово: скоро в Министерстве обороны будет большой скандал.

Карина Веденская ворвалась в кабинет мужа вся красная и взволнованная. Она даже не обратила внимания на то, что Юра сидит понурый, с потухшим взором и с сигаретой, которая превратилась в один большой столбик пепла.

– Ты не представляешь, что творится у нас на улицах! – выпалила она, падая в кресло напротив мужа. – Какой-то урод полууголовный подставил меня чуть ли не под аварию, да еще и нахамил, угрозы всякие сыпал!..

– Что? – Веденский вскинул голову и уставился на жену так, как будто видел ее впервые в жизни. – Угрозы? Как это произошло?

– Я его номер запомнила! Юра, звякни по своим каналам. Пусть этого урода как следует проучат, чтобы он боялся на дорогу выехать на своей тачке. Заплати, пусть его под лишение прав подставят. Надо же, меня, как какую-то уличную девку!..

– Значит, уже так. – Веденский скрипнул зубами.

– Что так, Юра, что так? Я тебе говорю про то, как меня поносило какое-то быдло.

– Да помолчи ты! – грозно прикрикнул на жену Веденский. – Быдло ей нахамило, видите ли. Тут дело не в быdle...

– А в чем? – опешила молодая женщина.

– Ни в чем! – отрезал супруг, вскочил на ноги, глубоко засунул руки в карманы брюк и начал быстро ходить по кабинету. – Значит, так, Карина. В ближайшие дни ты из дома не выходишь. Сидишь тут как мышка, никому не звонишь, ничего не обсуждаешь.

– Да ты что? Из-за этого скота?.. Ты не можешь его прижать, что ли?

– Замолчи, дура! – взорвался Веденский. – Я сказал сидеть, значит, будешь сидеть! С Наташкой об этом ни слова, ни полслова, да и с Владимиром тоже. На днях я тебе дам телохранителя, а там уж посмотрим.

– Как? Телохранителя? Мне? Он поможет в таких ситуациях?

– Этот человек разберется в любой ситуации, он профессионал.

– Круто! – засияла глазами Карина. – А он в черном костюме будет ходить и в очках, станет помогать мне заносить в машину?..

– Слушай, – снова скрипнул зубами Веденский, – я тебе нашел телохранителя не для дешевых понтов, не для того, чтобы ты перед подругами выделывалась. Я хочу, чтобы с тобой ничего не случилось!

– Вау! – Карина взвилась от восторга на высоту всего своего роста, аж метр семьдесят семь.

Она подскочила к мужу, чмокнула его в щеку и исчезла за дверью кабинета. Веденский устало опустил в кресло и снова потянулся за пачкой сигарет.

«Черт возьми, – подумал он, – я чуть не сболтнул этой дуре лишнего. Еще не хватало Карину напугать. Я ведь люблю ее, хоть и дура она. Из-за возраста, из-за модельной своей карьеры, да и я сам избаловал девчонку. Так чего же ее корить? Легкая она, как пушинка! А ведь именно это в Карине мне всегда и нравилось. С ней можно самому помолодеть, душой отдохнуть, отринуть все эти свои дела».

Да уж, отринешь тут! Веденский снова взялся за телефон и стал листать одну из старых истертых записных книжек. Сейчас ничем нельзя брезговать, никакими старыми, почти и совсем забытыми связями и знакомствами. Хоть шапочными! Может, именно ими в первую очередь и не стоит пренебрегать. Кто знает, где он сможет получить настоящую поддержку и помощь.

Черт бы побрал этот санаторный комплекс, проданный так выгодно! Долг, который на него пытаются повесить, исчисляется сотнями миллионов. Тут ведь никакой собственной недвижимости не хватит, ни один банк даже ему, при его статусе, не даст такого кредита.

Да и черт с ним, с этим кредитом, нужно искать тех, кто может защитить, противопоставит их прессингу свой. А давление будет обязательно! Прижать этих...

А если они не виноваты? Вдруг он и правда сам лопухнулся с этими документами? Черт! Веденский грохнул по столу кулаком и опрокинул на пол настольную лампу. Он не мальчик, не надо себя изводить этими сладенькими мыслями. Его подставили, причем целенаправленно. Ему подсунули эту сделку, чтобы уничтожить его, разорить, растоптать...

Растоптать? Зачем? Кому именно это все может быть нужно?

Голова бизнесмена заработала в привычном режиме. Он начал искать причинно-следственные связи. Уж кто-кто, а Юрий Сергеевич Веденский прекрасно знал, что просто так на белом свете ничего не случается, что у всего есть свои причины. Разоренный Веденский никому не нужен. Наоборот, он многим требуется в ином качестве – как умный, порядочный, опытный делец.

Телефон зазвонил неожиданно, как будто отвечал на мысли хозяина. Веденский посмотрел на дисплей мобильного. Высветившийся номер не был ему знаком, но кто знает, с какой стороны придет помощь или новые известия. Брезговать нельзя ничем.

– Да?

– Вечер добрый, Юрий Сергеевич, – послышался добродушный голос главы «Уральского концерна» Сутолкина. – Что за тишина вокруг, почему не слышу музыки, привычного гомона ночного модного клуба? Или дела заели?

– Я, Николай Васильевич, никогда особенно и не был сторонником молодежных тусовок, – машинально ответил Веденский, лихорадочно вспоминая, а не договаривались ли они о чем-то с Сутолкиным.

– Как же, – рассмеялся тот. – А молодая жена, а развлечения для нее?.. Не в четырех же стенах вы ее держите? Или опасаетесь чего?

«Вот так! – понял Веденский. – Теперь все становится на свои места. И про жену он не зря разговор завел, и сегодняшней инцидент у нее с кем-то на дороге произошел не просто так.

С телохранителем я очень даже вовремя подсуетился. Как чувствовал! Или и правда заранее знал?»

– Юрий Сергеевич, давайте завтра увидимся у меня, – предложил Сутолкин. – Нам есть что обсудить, ведь нас связывает госконтракт. Поговорим о проблемах, о дальнейшей совместной работе. Я ведь вам делал кое-какие предложения по улучшению наших контактов. Только по телефону не надо развивать мою мысль. Увидимся и поговорим. Скажем, в одиннадцать вам удобно? Вы вроде бы должны спешить, время вас поджимает, партнеры давят. Нет?

– Да, я приеду, – глухим голосом ответил Веденский. – В одиннадцать.

Он положил трубку и почему-то понял, что никому звонить больше не надо. Нет смысла. Если кто и стоит за Сутолкиным, то это деловые люди из Министерства обороны. Их прижать и свалить сложно. Скорее всего, даже невозможно, потому что это госаппарат, бетонный дот, укрепрайон, линия Мажино или Маннергейма. Против них никто не попрет. Одолеть их можно, только свалив самого министра, а за ним и весь клан. Это заоблачные сферы для бизнесмена регионального или областного масштаба. Пупок у него развяжется!

Сейчас важнее всего обезопасить жену. Веденский откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, пытаясь расслабиться, успокоиться и понять, правильно ли он сделал, что нанял не просто толкового бывшего работника силовых структур, а полез глубже, в криминал. Наверное, правильно, потому что выходец оттуда не будет связан по рукам и ногам ложными принципами морали и миражом законности. Он будет действовать так, как подсказывает обстановка и в соответствии с суммой гонорара. Тут Веденский пошел на те условия, которые ему озвучили. Лишь бы этот человек не оказался полуграмотным бандитом с небритой рожой и наколками по всему телу.

Веденский опять поймал себя на мысли о том, что он паникует. Откуда эти нелепые рассуждения о внешности телохранителя? Не может он так выглядеть. Этот парень должен думать

о том, чтобы никто не заподозрил в нем специалиста по безопасности. Это в любом случае не громила и не уголовник. Ну, в смысле его прошлого.

Унылое утро... Этот образ чаще всего приходит в голову не поэту, душа которого, обнаженная для восприятия мира, трепетно реагирует на каждое изменение погоды. Он чаще посещает человека, обремененного проблемами до такой степени, что ему хочется рвать и метать, застрелиться или пришибить кого-нибудь, неважно, виновного в проблемах или просто подвернувшегося под руку. Все зависит от типа характера и силы духа человека.

У Юрия Сергеевича Веденского характер был еще тот. Его называли и крепким мужиком, и бульдозером, и даже непрошибаемым. Но это всегда говорилось с толикой уважения.

Сегодня, садясь в машину во дворе загородного дома, Веденский посмотрел на небо, затянутое до самого горизонта пеленой облаков, и подумал как раз об этом. Унылое небо, тоскливое, тяжелое. Наверное, он слишком свыкся с тем, что до сих пор у него все получалось, его бизнес рос, расширялся.

Ситуация, возникшая совсем недавно, воспринималась как нелепая, обидная, несвоевременная, неуместная, не соответствующая общей тенденции, просто невозможная. Если бы Веденскому рассказали о таком немного раньше, то он послал бы этого фантазера куда подальше. Тем не менее все произошло именно с ним.

Веденский насупился, стиснул зубы, готовый ко всему, к любому сценарию развития событий. Он никогда не пасовал перед трудностями, а они у него бывали и раньше.

Юрий Сергеевич нажал на кнопку, и ворота поползли в сторону, освобождая проезд машине. Веденский любил свой мощный «Бентли», предпочитал садиться за руль сам, но ему часто приходилось ездить и с водителем. Увы, каждый должен заниматься своим делом. Генеральный директор обязан думать и принимать решения, а водитель – управлять его машиной и следить за ней.

Тут прямо перед капотом вдруг возникла человеческая фигура. Веденский ругнулся и резко нажал на тормоз. Парень лет тридцати, может, чуть моложе, стоял и смотрел на Веденского холодным серым взглядом. Что, кто? Какого черта?

Этот человек был высок, строен, но одет как-то так, что в глаза ничего не бросалось, им не за что было зацепиться. Серые летние брюки, неброская легкая куртка того же цвета, светлые волосы. Отвернись и уже через минуту не узнаешь его в толпе.

Эта особенность первым делом пришла в голову Веденскому, который привык к собственному окружению, где принято было одеваться со вкусом, подчеркивать индивидуальность. А этого парня и простым работягой не назовешь и... Что за тип?

Юрий Сергеевич нажал кнопку стеклоподъемника, и стекло скользнуло вниз.

– Тебе чего? – чуть высунув голову, неприветливо спросил он парня. – Жить надоело?

– Я тот, кого вы ждете, – одними губами без тени эмоций ответил парень и подошел к водительской двери. – Я – Викинг.

Веденский опустил голову, абсолютно растерялся. Он с таким нетерпением ждал этого человека, что теперь не знал, как себя вести. С одной стороны, этот Викинг такой же наемный работник, как и все в фирме или в доме. Но с другой стороны, его деятельность весьма специфична, да и специалист он, судя по отзывам, высококвалифицированный. Значит, должен числиться в разряде особо приближенных.

Потратив две секунды на размышление, Веденский принял решение о статусе этого работника. Он выключил зажигание и неторопливо выбрался из машины. Можно не спешить, теперь жить станет легче. Сутолкин не так страшен, если жена будет в безопасности. С этой минуты с ним пойдет иной торг.

– Значит, Викинг? – негромко осведомился Веденский, разглядывая телохранителя. – А имя у вас какое-то есть? Или это не принято?

– Называйте меня Антоном, – холодно ответил Викинг, никак не отреагировав на то, что в знак уважения к нему обратились на «вы».

– Так, Антон, сейчас разговаривать и обсуждать детали мне некогда. Давай так: ты приступаешь к своим обязанностям, а я вернусь, как освобожусь. Тогда мы и обсудим все нюансы твоей... вашей работы.

– Можете смело обращаться ко мне на «ты». Я к церемониям не привык, и это не главное. Ваша жена в курсе?

– Да, я говорил ей.

– Прислуга в доме знает?

– Нет, никому из домашних я не говорил. Полагаю, что это было бы преждевременно...

– Правильно, – снова перебил Веденского телохранитель. – Езжайте по своим делам, а жене позвоните насчет меня. Чем раньше вы вернетесь назад, тем лучше. Нам нужно будет оговорить массу условий.

– Каких условий? Но мы же цену уже оговорили и прочие основные моменты тоже. Как там у вас это называется – «обеспечение физической безопасности»?

– Организация физической охраны. Речь пойдет о выполнении моих требований к поведению вас, вашей жены и других лиц, проживающих в доме. У вас в фирме служба безопасности существует?

– Только на уровне охраны офиса да проверки потенциальных партнеров и заказчиков на предмет причастности к криминалу и платежеспособности.

– Понятно, – равнодушно сказал Антон и посмотрел на Веденского своими холодными, ничего не выражающими глазами.

Пауза затянулась. Кажется, Викинг ждал, когда заказчик начнет предпринимать какие-то действия по вводу его в дом.

Веденский подошел к воротам, все еще открытым, и увидел согнутую спину садовника Владимира, который по обыкновению копался на территории.

– Володя! – позвал Веденский. – Подойди сюда.

Садовник распрямил спину и плечи. Перед Антоном предстал детина лет тридцати пяти с рожей убийцы и осанкой, которая оставляла примерно такое же впечатление. Наверное, все дело было в шраме, который пересекал лицо Владимира со лба через висок и до подбородка. Вдобавок он привык горбиться и смотрел из-за этого чуть исподлобья. Припадая на одну ногу, Владимир подошел, вытирая руки о штаны.

– Володя, проводи этого человека в дом. К Карине. Она в курсе, да я ей сейчас позвоню. Это наш новый сотрудник, и жить он будет в доме. Познакомьтесь. – На этом Веденский прервал инструктаж, вытащил мобильный телефон и набрал номер.

Владимир посмотрел в лицо Антону и сунул свою широкую, как лопата, ладонь.

– Антон, – представился гость.

Владимир абсолютно молча пожал ему руку и посмотрел на хозяина.

«Нелюдимый какой-то, – подумал Антон. – И где это Веденский такого садовника нашел? Неужто его ветками яблони так подрало?»

– Карина!.. – заговорил Веденский, потом спохватился, замахал руками на Владимира и Антона, указал им на дом.

Что бизнесмен говорил жене, Антон не услышал, потому что ему пришлось идти. Владимир шел впереди, чуть припадая на правую ногу. Пахло от него землей, потом и, если честно, грязью и неопрятностью. Опять непонятно, почему Веденский себе выбрал такого типа. И страшный, и неприятный.

Обычный дом, два этажа, сложный фасад с претензией на стилизацию под барскую усадьбу или викторианский стиль. Поднявшись по ступеням на большую веранду с колоннами,

они подошли к железной двери довольно высокой степени надежности, как Антон определил на первый взгляд. Бронированные вставки, полная блокировка ригелями по периметру.

Перед Антоном открылся большой холл. Отсюда широкая лестница вела на второй этаж, слева арка, наверное, соединявшая холл с кухней, справа переход к каминному залу с солидными диванами и большим белым порталом камина, причем действующего, судя по запаху. Ковры, медвежьи и олени головы на стенах, картины в тяжелых рамах.

Тут бодро и звонко застучали каблучки, и Антон увидел на лестнице молодую женщину. Ей было не больше тридцати, и выглядела она так, как и должна смотреться молодая жена богатого зрелого бизнесмена. С тонкой талией, узкими бедрами, длинными ногами и лебединой шеей.

Но Антона удивило нечто иное. Это все были обычные, даже обязательные атрибуты внешности. А вот глаза этой женщины его поразили сразу. В них за несколько секунд промелькнула масса самых разных оттенков настроения и эмоций. Большие и очень выразительные глаза с длинными натуральными пушистыми ресницами. Радость, удивление, беглая оценка внешности, резко проскочившая тревога по поводу того, что она вышла не совсем в том виде, в каком знакомятся с мужчинами. Потом досада на себя и негодование. Какой мужчина, хоть и симпатичный?! Это же услуга, наемный работник!

– Проходите. – Женщина стала неторопливо спускаться по лестнице, щелкая миниатюрными каблучками тупфелек с турецким шитьем и без задников.

Она засунула руки в карманы коротких белых штанишек и серьезно морщила лобик.

– Юрий Сергеевич мне только что звонил. Спасибо, Володя, ты можешь идти.

Садовник исчез. Он прикрыл за собой тяжелую дверь, а Антон остался стоять посреди холла, осматриваясь.

Окна с решетками, но это не защита, а всего лишь декорация. По два штыря на одном откосе. Выворотить их не составит труда даже одному человеку. Камер видеонаблюдения в доме нет, на фасаде он их тоже не видел. Есть одна снаружи, захватывающая зону входной калитки и ворот. Для того чтобы рассмотреть лица тех, кто пришел или приехал.

– Значит, это вы, – с явным удовольствием произнесла женщина, откровенно рассматривая Антона. – Наконец-то! Юрий Сергеевич со своими глупостями решил меня взаперти держать. Давайте-ка принимайтесь за свою работу, через пятнадцать минут будьте готовы – мы едем в город.

– Вы никуда не едете, – ледяным тоном сказал Антон, который в глубине души с интересом ждал реакции женщины на такое вот заявление.

– Что? – Хозяйка дома сорвалась на фальцет, вскинула тонкие брови и посмотрела на молодого человека с таким видом, будто он сделал нечто неприличное в ее присутствии, например испортил воздух. – Я не поняла, кто тут платит деньги и кто их получает? По-моему, не самые маленькие! Я вам, молодой человек, не советую забываться...

– Воспитывать вы будете своего мужа и детей, когда они у вас будут. Ваши поездки куда бы то ни было теперь зависят и от меня. Пока я не разберусь в обстановке, пока у меня не будет плана по обеспечению вашей личной безопасности, вы даже к забору не подойдете, не говоря уже о выходах за пределы двора.

– Да как ты смеешь! – Карина едва не зашипела, как змея. – Я сейчас позвоню мужу, и он тебя, урод, вышибет... Пошел вон отсюда!

– Кто еще есть в доме, кроме садовника Владимира? – спокойно осведомился Антон, совершенно игнорируя бешеное недовольство хозяйки.

Ответа он не получил. Карина рывком достала из кармана штанишек телефон, уронила его, тут же подняла и, бледная от негодования, стала набирать номер. Антон стоял, смотрел, как она поднималась по лестнице, и думал о том, что работенка ему предстоит не просто тяжелая.

Веденский оставил машину на парковке возле супермаркета «Эльдорадо», едва ли не за квартал от офиса «Уральского концерна». Больше на улице нигде не припаркуешься, все кругом забито автомобилями. Можно было бы спокойно заехать во двор концерна. У охраны, стоявшей у ворот, уже был номер его машины. Но Веденский не хотел этого делать. Нет, вовсе не потому, что его потом могли не выпустить, что ему в чужом офисе грозила какая-то опасность. Просто заезжать туда, оставлять там машину Веденскому было очень и очень некомфортно.

Так может чувствовать себя только человек, который на протяжении десятилетий все определял сам, принимал абсолютно любые решения в сваливающихся на него ситуациях, умел и мог отвечать за себя и других. И вдруг он попал в зависимость от чужой воли, очень даже недоброй. Ведь Юрий Сергеевич догадывался, о чем сейчас пойдет речь.

День обещал быть жарким. Уже сейчас температура поднялась за тридцать. Стены домов пылали жаром, как домны, асфальт на проезжей части источал запах гудрона и, казалось, плавился под колесами машин. Даже страшно было подумать, что придется ступить на него тонкими кожаными подошвами летних ботинок. Под рубашкой быстро стало мокро, вспотела и кожа под брючным ремнем. Как хорошо было в салоне «Бентли», когда там работал климат-контроль. Даже не верилось, что за пределами машины царит такое пекло.

– Здравствуй, Юрий Сергеевич! – Девушка из приемной Сутолкина мгновенно увидела Веденского. – Мы ждем вас, проходите сюда, пожалуйста.

Веденский сдержал неприязненный взгляд и попытался улыбнуться. Ведь эта девушка точно не имела никакого отношения к аферам своего шефа. Так, просто барышня из приемной. А какой глаз! Не успел он в дверь войти, и она сразу...

«Однако Сутолкин дело свое знает, даже в условленное время помощницу вниз отправил, чтобы уважение проявить. Век бы его не видеть! – подумал Юрий Сергеевич. – А почему не видеть? Это же бизнес, так что же я так разнервничался? Если идет борьба за сладкий большой кусок, то редко кто не опускается до грязных ходов. Почему меня все это удивляет?»

Эти мысли привели Веденского в более спокойное состояние. Он прошел вслед за девушкой к лифту, успел оценить стройность ее ножек под короткой юбкой и даже мысленно провести по ним рукой.

Сутолкин вышел из-за стола и с улыбкой на неподвижном лице двинулся навстречу партнеру.

– Здравствуй, Юрий Сергеевич! Рад видеть. Прошу, проходи. Давай-ка вот здесь устроимся без всякой официальщины.

Он провел Веденского в угол, под кондиционер, где вокруг большого стеклянного столика были расставлены два кресла и небольшой диван. Тут же находился мини-бар на колесиках. Сквозь стекло поблескивали разноцветные наклейки бутылок.

– Ты нам лимончика, фруктиков каких-нибудь, кофе давай, – заявил Сутолкин помощнице и уселся в одно из кресел.

Веденский смотрел на уверенное квадратное лицо Сутолкина, на волосы, которые росли почти от самых густых бровей, темнеющих на низком лбу. Эта особенность придавала его лицу некоторую звероподобность, подчеркиваемую короткой шеей и манерой держать голову чуть опущенной. Сейчас Сутолкин расположился вольготно, забросив ногу на ногу. Руки с короткими пальцами и крупными ногтями лежали на подлокотниках властно и спокойно. Черные глаза пристально смотрели на гостя и почти не мигали.

«Так удав гипнотизирует кролика», – подумалось Веденскому.

– «Хеннесси», «Реми Мартин», «Курвуазье», «Мартель», «Хайн», «Гаутер»?

– Нет, спасибо, – уклонился Веденский. – Предпочитаю утро начинать с чистой головой.

Про себя же он подумал другое: «Еще недавно этот фрукт пивом пробавлялся, водку селедкой закусывал, а теперь глядите-ка! Названия какие знает! И без запинки перечислил. Наизусть заучивал, что ли?»

– Ну, гляди, – кивнул Сутолкин. – Мое дело предложить. Но вообще-то это ты зря. Коньяк хорошо мозги прочищает, бодрости добавляет. Хотя это кому как. Ну, тогда... – Хозяин кабинета замолчал, потому что вошла секретарша с подносом.

Пока она расставляла чашки с дымящимся и, судя по запаху, вполне приличным кофе, вазу с фруктами, сахарницу, молочник, Сутолкин откровенно разглядывал ее зад, обтянутый узкой юбкой и чуть заметными кружевами трусиков, которые проступали под тканью. Наконец соблазнительная девушка вышла.

– Вы обещали подготовить техническое задание, – начал Веденский, намекая на сроки договора.

В ответ хозяин кабинета только махнул рукой. Он осторожно взял чашку вместе с блюдечком, с заметным отвращением пару раз отхлебнул кофе и снова поставил посуду на столик.

– Планы, технические задания, выезды замерщиков. Все это пойдет своим чередом, – вытирая губы салфеткой, сказал Сутолкин. – Это текучка наша. А мне хотелось бы поговорить с тобой, Юрий Сергеевич, о делах немного других. О сотрудничестве иного толка.

– Не понимаю? – Веденский откинулся на спинку кресла.

Он прекрасно все понял, потому что ждал начала этого разговора.

– Склероз? – Сутолкин вскинул одну бровь. – Здесь можешь ничего не опасаться, у меня прослушкой и не пахнет. Не изобрели еще таких средств, которые не определялись бы другими приборамбасами. Не дергайся, давай-ка поговорим откровенно.

– Послушай, Николай Васильевич! – Веденский вздохнул. – Если ты опять об этих аферах, то я уже высказался. Я против. Лучше получать меньше, но честно, чтобы спокойно спать. Я не мальчик, у меня достаточно денег, чтобы хорошо жить, развивать свой бизнес, бороться за тендеры. Прогорит эта программа с твоим Министерством обороны, я ведь не пропаду. А если вляпаюсь в криминал, то...

– Слушай, что ты как ребенок рассуждаешь? – Сутолкин сузил глаза. – Имею – не имею, хочу – не хочу. Сейчас я вынужден работать с тобой, потому что тендер выиграл ты. Или думаешь, что победил честно? Не обольщайся, просто ты мне нужен, поэтому я кое с кем наверху подсуетился. Учти, если ты сейчас отказываешься, то через пару месяцев – это самое позднее – вылетаешь из обоймы. Тебя официально признают не способным выполнять условия госконтракта, и ты остаешься у разбитого корыта. Хороша реклама? Тебе еще придется разбираться с оравой специалистов, срочно нанятых под госконтракт. Сколько ты по сокращению должен им выплачивать? Пять месяцев?

– На твоём министерстве свет клином сошелся? – усмехнулся Веденский. – Или ты считаешь возможным мне вот так откровенно угрожать? Как дешевому урке! Думаешь, я пропаду без твоего...

– Думаю, что не пропадешь, – неожиданно согласился Сутолкин. – Трудно будет, денег потеряешь море, но не пропадешь. Поэтому я и подготовился к разговору с тобой. Даже ты не все можешь предусмотреть. Видишь, я с тобой откровенен! Я тебе в глаза говорю. Ты мне нужен именно для того, чтобы некоторые объекты недвижимости Министерства обороны, подлежащие реализации, были оценены очень низко. Ты сможешь обосновать их любую рыночную стоимость, тебе поверят, тебя не будут перепроверять по двадцать раз.

– Вот этим доверием я и дорожу! – повысил голос Веденский. – Вот поэтому я и не хочу порочить имидж фирмы.

– Ясный перец, конечно, не хочешь, – добродушно согласился Сутолкин. – Но ведь и я не дурак. Ты все просчитай наперед. Это мой тебе совет. Тут такие люди и кланы замешаны,

что ты перед ними – пыль под ногами. Да и я тоже. Но я на их стороне, а ты против. Поэтому никто ломаного гроша не даст ни за тебя, ни за твою дорогую женушку.

– Что?.. – страшным голосом сказал Веденский.

– Все то же! Я тебе битый час втолковываю, что игра идет очень крупная! Или ты с нами, или пеняй на себя! Тебя в такой оборот возьмут, что небо с овчинку покажется.

– А не кажется тебе, что помимо вашего клана, вашей банды есть еще и другие, которые могут оказаться посильнее?

Веденский встал и молча вышел из кабинета, постаравшись не грохнуть дверью, хотя внутри у него все кипело. Он быстрым шагом спускался по лестнице, решив не ехать на лифте, а сам все лихорадочно думал о том, погорячился он или нет.

«Стоило ли так резко обрывать разговор? Дурак я, что отказался, или молодец? Но ведь я давно понял, куда все идет, не зря нанял жене телохранителя. Я уже готовлюсь к войне и намерен ее выиграть. Тогда что за сомнения?

Ах, так вот оно что! Я потерял лицо? Я слишком боюсь за Карину, поэтому и взбесился. Так нельзя, так дела не делаются, впредь нужно проявлять больше выдержки. Мне поступило предложение – я волен его принять или ответить отказом. Мне приводят доводы, я волен с ними согласиться или нет. Все остальное лишь эмоциональная окраска и истеричные определения: угрозы, шантаж, запугивание. На деловом языке это всего-навсего коммерческое предложение и оглашение его стоимости, оценка доходности и рисков. Это твой бизнес-план. Кстати, риски я уменьшил и теперь должен сосредоточиться на нужных мне маркетинговых ходах».

Глава 3

Антон дождался, когда супруга Веденского скроется в своей комнате, потом осмотрелся в холле. Первым делом он обязан оглядеть дом внутри, потом снаружи, далее территорию и весь периметр. Надо оценить степень безопасности, легкость проникновения и наметить технические меры усиления защищенности.

«Ладно, внутрь пока ходить не будем, – решил Антон. – Дождемся появления более адекватных представителей здешнего населения».

Антон вернулся к входной двери и вышел на улицу. Давешний садовник с физиономий головореза занимался тем, что поправлял крепеж поливной трубы, проложенной по стене забора вдоль участка. Надо с ним знакомиться, составить свое представление об этом человеке, а уж потом расспрашивать о нем хозяина. Каждого члена семьи и любого наемного работника в этом доме придется проверить на возможную причастность к готовящемуся покушению.

Антон и без инструктажа Быкова понимал, что задача перед ним стоит такая, что сложнее некуда. Ему предстояло выяснить, кто из работников полиции участвует в шантаже бизнесменов, не только пугает их, но и приводит угрозы в исполнение. Все это здесь, на Урале, связано с аферами, цель которых – присвоить недвижимость, принадлежавшую Министерству обороны.

Очень скверная ситуация! Если представители двух силовых ведомств объединяются для преступной деятельности, то это уже говорит о многом. Такое обиднее всего сознавать, потому что в народе всегда бывало чувство доверия к армии, к милиции. Теперь, правда, милиция называется полицией, но доверия больше не стало.

Антону предстояло, работая телохранителем, выяснить, кто именно из местной полиции причастен к криминалу. Через неприятности Веденского, через тех, кто придет с угрозами к нему и другим таким же бизнесменам, так или иначе связанным с недвижимостью. Ему на полном серьезе надо еще и уберечь жену Веденского. При самом отличном раскладе он должен попробовать привлечь и ее, и мужа на свою сторону, сделать их своими союзниками и при этом сохранить инкогнито. Этот садовник должен стать его добровольным и активным помощником, потому что он многое видит и знает, все время находится здесь и может помочь в трудную минуту. Особенно когда сам Антон будет отсутствовать. Другие работники тоже должны стать союзниками. Это горничные, поварахи... кого там Веденский еще держит?

– Значит, вас Владимиром зовут? – подойдя со спины, спросил Антон для затравки разговора.

Он увидел, как широкая спина под футболкой дернулась, но ничем другим садовник своего внимания не выдал. Он продолжал затягивать забитый дюбель-гвоздь, изредка смахивая со лба обильный пот.

– Юрий Сергеевич мне сказал, что на вас я могу положиться больше, чем на всех остальных, – продолжил Антон.

– В чем? – наконец буркнул в ответ садовник.

– Я говорил, что меня зовут Антон. Я нанят Юрием Сергеевичем в качестве телохранителя его жены Карины.

Теперь последовала более откровенная реакция. Ее можно было назвать крайним удивлением.

«Если такой флегматичный тип удивился, значит, он не видит оснований для найма телохранителя и не догадывается о неприятностях хозяина, – размышлял Антон. – А может, этот громил удивлен тем, что такой худосочный парень может быть телохранителем?»

Антон невольно глянул на свою грудь, руки. Вроде доходягой и дистрофиком он не выглядел. Вполне спортивное телосложение.

– Телохранителем? – переспросил Владимир с недоверием в голосе. – Для Карины?

– Ну да.

– Меня он не предупреждал, – недобро глядя на Антона, проговорил Владимир. – В том смысле, что я тебе должен в чем-то помогать.

– Скажет еще, – небрежно заметил Антон.

– Вот когда скажет, тогда и поговорим, – отрезал садовник и снова присел на корточки перед трубой.

Вот и поговорили! Антон мысленно почесал в затылке и решил подойти к этому типу с другой стороны. Образно говоря, конечно.

– Ну а просто по-человечески ты меня просветить не хочешь? Все-таки я новичок в этом доме, мне тут жить какое-то время придется. Что за порядки, какие традиции?..

– Болтать поменьше, работать побольше, – проворчал садовник.

– А что за характер у Карины?

– Узнаешь, – еще категоричнее отрезал садовник, поднялся на ноги и пошел в сторону подсобного помещения.

Он даже не оглянулся на Антона.

«Остается только гадать – или этот Володя такой неразговорчивый, или в этом доме так принято себя вести?.. Что ж, первая попытка не удалась. Приедет Веденский, даст всем указания помогать мне, телохранителю, тогда и зайдем еще раз. А пока надо заняться периметром».

Антон достал из кармана блокнот, авторучку и пошел вдоль забора. Высота, возможность перебраться без помощи сложных технических средств, способы препятствования... За этим занятием его и застала маленькая некрасивая девушка в шортах и кроссовках. Она стояла и с интересом наблюдала за Антоном, поигрывая ремешком небольшой серебристой сумочки.

– Эй, товарищ! – с каким-то подростковым задором позвала девушка. – А вы кто будете?

Антон обернулся и наткнулся на ее безмятежно-веселый взгляд. Она смотрела на него зелеными глазами, и это почему-то радовало парня. То ли потому, что девушка вся излучала позитив, то ли причина крылась в том, что только она на этот момент не смотрела на Антона хмуро, даже охотно разговаривала с ним.

Глянув на девушку отработанным ледяным взглядом скульптуры, Антон убрал блокнот. Сколько ей лет? Двадцать, двадцать пять или больше? Возраст ускользал и на первый взгляд, и на второй тоже. Есть такие люди, которые выглядят молодо не потому, что у них такая кожа, отсутствуют морщинки на лице, седые волосы. В их глазах столько молодости, радости жизни, какой-то ясности, что непроизвольно хочется улыбнуться в ответ и посмотреть на мир такими же глазами. Многие так и поступают, даже не обменявшись несколькими фразами. Антону сейчас захотелось улыбнуться, но выходить из образа было нельзя.

– Вы ландшафтный дизайнер? – высказала девушка мысль, которая могла, судя по ее реакции, осчастливить кого угодно. – Неужели Юрий Сергеевич сам сподобился? Вообще-то он мне поручал.

– И что же? – холодно осведомился Антон, пытаясь угадать статус этой некрасивой, но очень симпатичной девушки.

– Ищу, – заверила она, полыхнув зелеными глазами, которые очень здорово контрастировали с рыжеватыми волосами. – Думаете, что так легко найти нормальную, ответственную организацию? Вы вот из какой?

– Я частное лицо.

Девушка чуть поморщилась, откровенно осмотрев Антона с головы до ног. Но это явное недоверие не сделало ее менее счастливой.

– Жаль, – искренне призналась она. – Нет у меня доверия к частникам. Вы извините, это к вам может и не относиться. Тут принцип гарантии роль играет. Фирма, если уж она

существует, хоть сколько-то на рынке продержится. А частник!.. Сегодня он есть, завтра его нет. Надоело ему, например. Кому предъявлять претензии? А у вас какое образование?..

– Я не дизайнер, – прервал Антон словесный поток. – А вот вы кто? Карину – жену Юрия Сергеевича – я знаю, вон Владимира знаю, а вы чем здесь занимаетесь?

– Я вроде экономки, если говорить старинными понятиями, – ошастливила Антона признанием девушка. – Вроде домоправительницы. Помните, в «Малыше и Карлсоне»? Домомучительница!

Девушка запрокинула голову и залилась звонким, невероятно задорным и очень заразительным смехом, от которого Антон сам едва не заулыбался во весь рот.

Чтобы не поддаться этому зеленоглазому обаянию, он рубанул правду-матку:

– Я телохранитель Карины, меня нанял Веденский.

Смех замер, как стоп-кадр. В глазах девушки еще полыхало веселье, но появился и вопрос. Причем без явного испуга. Похоже, в этом доме никто, кроме самого господина Веденского, в реальные угрозы не верил или просто не знал сути дела, не владел информацией.

– А зачем? – спросила девушка с надеждой в голосе и немного сникла. – Мода такая, да?

– Послушайте, а давайте познакомимся, – предложил Антон. – Вас как зовут?

– Мухина! – выпалила девушка. – Вообще-то Наташа, но все почему-то предпочитают по фамилии. Я привыкла. В детстве и в институте меня вообще звали Мухой и никак иначе. А вас?

– Антон.

– И все? – удивилась Наташа, видимо, полагая, что в жизни все люди должны иметь не только имена, но и фамилии, прозвища, вообще массу забавных атрибутов, с которыми жить гораздо веселее.

– Все, – заверил девушку Антон.

– Тогда знаете что, Антон...

– Знаешь! Предлагаю сразу перейти на «ты», учитывая, что мы почти ровесники и будем жить в одном доме. Так ведь проще общаться, правда?

– Ага, – кивнула Наташа. – Пошли на кухню, я тебя угощу настоящим японским чаем. Ты пил когда-нибудь такой?

– Да, пару раз в японском ресторане, – признался Антон, увлекаемый за локоть в сторону дома.

– Это не то! – Наташа замахала обеими руками, отчего ее сумочка упала на дорожку.

Она успела наклониться, подняла ее раньше, чем это сделал Антон, и снова залилась восторгами:

– У нас в ресторанах предлагают в основном обычный чай со всякими добавками, а компенсируют все театральностью церемонии. Интересно иногда, но это все к японскому чаю отношения почти не имеет.

– А чем же у них чай отличается? – галантно пропуская девушку вперед себя в дверном проеме, спросил Антон исключительно ради приличия.

– Ты не представляешь! – взвилась Наташа, развернувшись к Антону всем корпусом прямо в дверях. – Ведь Япония долгие века находилась в изоляции от всего цивилизованного мира. Это такие уникальные условия развития культуры! Только там могли появиться такие чудеса, как икебана, бонсай, оригами, сумо, кабуки, манга и много чего еще. Вот в отношении чая в Японии тоже все не так просто.

– Зеленый чай пьют во всем мире, – проявил верх эрудиции Антон, подталкивая Наташу в сторону кухни.

Он намеревался подружиться с девушкой, чтобы иметь в этом странном доме расположенное к себе лицо, пусть единственное, хоть одного нормального человека. Хотя характер

у Наташи был весьма и весьма своеобразный. Ну, хоть не бука, не угрюмый садовник, и то хорошо.

– Э-э нет! – насильно сажая Антона на стул с высокой спинкой, заявила Наташа.

Она поставила на плиту чайник, стала рыться в шкафчиках и продолжала объяснять, выкладывая на стол пакетики, выставляя баночки:

– Японцы готовят чай совершенно особенным образом, начиная с его производства и заканчивая совершенно особенными традициями употребления. Ты знаешь, в чем суть японской чайной церемонии? Я имею в виду не девушек в кимоно, которые с поклонами подают вам в ресторане чай. Кстати, они большей частью казашки, в лучшем случае корейки. Церемония садо или ча-но-ю – это совсем иное восприятие мира, не гастрономическая тема, а духовная.

– Согласен, – усмехнулся Антон. – Чайная церемония у японцев – это не церемония, а целое искусство. Это процесс созерцания и размышлений, способ достижения гармонии с миром и познания законов Вселенной.

– Зря иронизируешь, – отмахнулась Наташа, даже не обидевшись. – Да, ты точно заметил, что все сорта чая, традиционно употребляемые в Японии, зеленые. Их немного, но насколько они индивидуальны и неповторимы! Матча, сенча, генмайча, гьекуро, ходжича, банча, уджи, тамарьокуча, кукича! Даже в названиях...

– У тебя вода сейчас закипит, – предупредил Антон. – Насколько я помню, это плохо даже для нашего традиционного чая.

Наташа кинулась к плите, многозначительно и одобрительно подняв указательный палец. Она оценила общую культуру Антона в вопросах чаепития. Кажется, девушка нашла благодарного слушателя. Она говорила о чае вообще и о сорте сенча в частности, который, кстати, и заваривала сейчас Антону. Он терпеливо сидел, слушал и поглядывал, как Наташа, сосредоточенно прикусив губу, насыпает в чайник плоские, длинные и хрупкие чайки.

Наташа твердила, что для заваривания сенча не существует строгих правил, но и приготовить его по написанному рецепту тоже сложно. Тут нужны не знания, а навыки. Как, собственно, и с любым другим японским чаем. Сколько заварки и воды, какая температура. Даже время настаивания нужно чувствовать, а не знать. Что уж говорить о составе воды. Боже вас упаси наливать воду из-под крана, хлорированную, не годится и жесткая.

Антон подпер подбородок кулаком и любовался Наташей. Большие глаза, широкие скулы, в общем-то, неправильные черты лица, но как она светится, становится очень притягательной, когда делает что-то с душой! А Наташа уже выставила на стол белоснежные фарфоровые чашечки и стала разливать в них свежезаваренный чай.

Антон удивился, потому что никогда раньше не видел такого яркого и живого зеленого настоя. Остатки Наташа перелила в другой чайник, чистый и обваренный кипятком. Она объяснила, что он не должен больше настаиваться, чтобы не появилась горечь.

Антон взял протянутую чашку и посмотрел на густую пену на поверхности. Наташа удовлетворенно улыбнулась и объявила, что эта пена и есть признак качественного чая и правильной заварки.

– Пробуй, не бойся. – Наташа засмеялась, глядя на нерешительность Антона.

Ему пришлось пригубить напиток. Антон набрал в рот совсем немного чая, попытался нёбом и корнем языка ощутить его природный вкус.

– Ну и как? Что чувствуешь? – настаивала Наташа.

– Вкус такой мягкий, свежестью отдает. Чуть сладковатый и бархатистый, что ли.

– Вот! – Лицо Наташи расплылось в довольной улыбке. – Это настоящий базовый сенчи. На его основе делают несколько разновидностей японского чая, но это все на любителя. А вот чтобы кто-то сенчи не оценил, таких людей я в жизни не встречала. Кстати, в этом чае большое количество кофеина и витаминов. – Наташа сама пригубила чашечку и блаженно закатила глаза. – Он бодрит и очищает организм от шлаков.

Антон покивал. Чай ему понравился, хотя пить его постоянно, да по пять раз в день, наверное, он не пожелал бы. Так, попробовать японскую экзотику или под настроение, как у Наташи.

– Ой! – Девушка спохватилась, впервые за все время их знакомства стала серьезной, и ее очарование сразу исчезло. – Слушай, а что случилось?

– Где? – спокойно осведомился Антон, не поднимая глаз, изображая отрешение от всего земного.

– Ну, с Кариной! Ты же телохранитель. Ей что-то угрожает? А-а! Юре? Юрию Сергеевичу? На него наехали, да?

– Наташа, ничего серьезного я пока тут не увидел, – спокойно ответил Антон. – Думаю, что у твоей хозяйки часто бывает истерика. Муж боится за нее именно поэтому.

– Правда? – с сомнением спросила Наташа и очень внимательно посмотрела в непроницаемое лицо Антона. – Хотя...

– Что, случается с ней такое?

Наташа замялась и проговорила:

– Знаешь, раз уж тебе надо быть в курсе, я скажу. Отношения у Карины и Юры стали разлаживаться. Он весь в работе, как говорится, и телом, и мыслями. Она одна дома. А он то ли не понимает, то ли не до нее ему в последнее время. Я ведь тут не просто так появилась. – Наташа обвела стены рукой. – Это Юра меня позвал. Мы с ним родственники, дальние, правда.

– Отношения у вас с Кариной не складываются?

– Почему? – сразу вспыхнула Наташа. – Всякое бывает, конечно, только ведь ее понять можно. Да и я привыкла не обращать внимания на мелочи. Ты знаешь, кем я была раньше? Учителькой! Да-да, самой настоящей школьной учителькой. Преподавала историю. А в школе, если у тебя ранимая психика, работать невозможно. Нужно, конечно, болеть душой за свое дело, за детей, но до инфарктов себя доводить тоже не стоит, а это надо уметь. Такая вот смесь черствости и душевности. Смешно, правда?

Антон понял, что пора менять тему, чтобы не спугнуть бывшую учительку откровенными расспросами о семье. Лучше всего вернуться к теме японской культуры.

– Вспомнился мне старый стишок на манер японской поэзии, – сказал, он допивая чай и глядя, как Наташа доликает ему новую порцию. – Это такой короткий стиль. Они танки называются, что ли, не помню точно. Это японский вариант известного детского стишка. Помнишь: «Наша Таня горько плачет...»?

– Ну! – Наташа снова повеселела.

Антон закатил глаза и выдал загробным голосом:

Наша Таня горько плачет,
Уронила в речку мячик.
Не плачь, дочь самурая.

Наташа несколько секунд смотрела на Антона, потом закатилась звонким заразительным смехом и заявила:

– Ну, ты даешь! А я и не знала, что ты такой знаток! Только это не танки. Танки – пятистишия, а ты прочитал хокку, состоящее из трех строк. – И Наташа с выражением прочитала:

«Осень уже пришла!» –
Шепнул мне на ухо ветер,
Подкравшись к подушке моей.

Антон вскинул брови. Хокку ему понравилось, но показывать себя поэтической натурой не стоило. Поэтичность не клеилась с образом сурового профессионала-телохранителя.

– Это известный японский поэт, мастер хокку Мацуо Басе, – пояснила Наташа и снова прочитала:

Какою свежестью веет
От этой дыни в каплях росы,
С налипшей влажной землею!
В саду, где раскрылись ирисы,
Беседовать со старым другом своим –
Какая награда путнику!

– Красиво, правда? – спросила Наташа в пространство. – А вот тебе и танки. Это Таясу Мунотэкэ.

Свирепая буря
С деревьев срывает листву –
Сегодня впервые
Я вспомнил с тоской запоздалой
О красках осеннего сада. Осенняя буря.
Им бы сейчас,
Попивая sake, любоваться
Дивной картиной –
Нет, бродит зачем-то народ,
Топчет на улицах снег!

Антон сделал вид, что ему скучно. Ему не хотелось обижать девушку, но работа есть работа. Он поглядывал на нее тайком и думал, что она со своей философией похожа на восторженного щенка. Как прекрасен мир! Сколько в нем интересных запахов! А сколько всего шуршит в траве за домом! Как интересен этот мир, когда ты родился всего пару месяцев назад!

Наташу придется оставить в покое. Она хоть и не от мира сего, но все же девочка умная. Нельзя ее откровенно использовать в своих целях. Тем более что Наташа тут не наемный работник, а родственница хозяина, домоправительница, имеющая право командовать всеми наемными работниками. Она должна чувствовать себя именно так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.